

Научная статья

УДК 342.2

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).324-331

EDN XSQZET

Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния: особенности исторического и правового становления в контексте совершения военных преступлений

Светлана Валерьевна Пархоменко

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, г. Иркутск, Россия
psvet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0370-3102>

АННОТАЦИЯ

В настоящее время уголовно-правовая характеристика исполнения приказа или распоряжения как обстоятельства, исключающего преступность деяния, приобретает особое значение. Различные аспекты его становления и развития изучаются, в том числе в связи с проводимыми расследованиями как исторических, так и современных событий в рамках проведения специальной военной операции. В статье проведено исследование особенностей правового становления данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, на международном, а также специфики его понимания и закрепления на национальном уровнях. Автор анализирует различные международные документы и их трактовку в теоретических подходах ряда исследователей относительно закрепления исследуемого обстоятельства. Особое внимание уделено анализу процесса его формирования в законодательстве Российской Федерации. Раскрываются особенности исторических документов, дается характеристика действующей редакции статьи 42 УК РФ. Исследование построено на изучении норм международного права и национального законодательства, сравнительном анализе их формулировок и толкования. Отдельное внимание уделено особенностям судебной практики ряда государств в контексте применения и понимания рассматриваемого обстоятельства.

Итогом проведенного исследования являются рекомендации автора относительно совершенствования норм российского уголовного законодательства по вопросу закрепления используемой формулировки статьи 42 УК РФ, а также включения в уголовный закон составов преступлений, предусматривающих ответственность за дачу незаконного приказа или распоряжения, повлекших совершение преступления. Автор отмечает, что имплементация любых международных норм в национальное законодательство требует от государства учета специфики их практического применения именно в целях защиты конкретных общественных отношений, а значит, необходима их соответствующая детализация и конкретизация.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

обстоятельства, исключающие преступность деяния; исполнение приказа или распоряжения; ответственность за незаконный приказ; военные преступления; уголовная ответственность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пархоменко С.В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния: особенности исторического и правового становления в контексте совершения военных преступлений / С.В. Пархоменко. — DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).324-331. — EDN XSQZET // Академический юридический журнал. — 2026. — Т. 27, № 2. — С. 324–331.

Original article

Execution of an order as a circumstance excluding the criminality of an act: features of historical and legal formation in the context of the commitment of war crimes

Svetlana V. Parkhomenko

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia
psvet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0370-3102>

ABSTRACT

Currently, the criminal law characterization of the execution of an order or instruction as a circumstance precluding the criminality of an act is of particular importance. Various aspects of its formation and development are studied, including in connection with ongoing investigations of both ancient historical and contemporary

© Пархоменко С.В., 2026

events as part of the Special Military Operation. This article examines the specifics of the legal development of this circumstance precluding the criminality of an act at the international level, as well as the specifics of its understanding and consolidation at the national level. The author analyzes various international documents and their interpretation within the theoretical approaches of a number of researchers regarding the consolidation of this circumstance under study. Particular attention is paid to the analysis of the process of its formation in the legislation of the Russian Federation. The features of historical documents are revealed, and the current version of Article 42 of the Criminal Code of the Russian Federation is described. The study is based on the study of the norms of international law and national legislation, a comparative analysis of their wording and interpretation. Special attention is given to the specifics of the judicial practice of a number of states in the context of the application and understanding of this circumstance.

The author's research concludes with recommendations for improving Russian criminal law by enhancing the current wording of Article 42 of the Russian Criminal Code and by including in the criminal code offenses that stipulate liability for issuing an unlawful order or instruction that results in the commission of a crime. The author notes that the implementation of any international norms into national legislation requires the state to consider the specifics of their practical application specifically for the protection of specific social relations, which necessitates their appropriate detailing and specification.

KEYWORDS

circumstances excluding the criminality of an act; execution of an order or instruction; liability for an illegal order; war crimes; criminal liability

FOR CITATION

Parkhomenko S.V. Execution of an order as a circumstance excluding the criminality of an act: features of historical and legal formation in the context of the commitment of war crimes. *Akademicheskii yuridicheskii journal = Academic Law Journal*. 2026;27(2):324–331. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(2).324-331. EDN: XSQZET.

Введение

Традиционно «исполнение приказа или распоряжения» в научной литературе рассматривается в формате анализа особенностей одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния (далее также – ОИПД). В то же время интересным для исследования представляется вопрос его становления, правового закрепления и особенности пределов допустимости. Как правило, традиционный анализ строится в контексте преломления к ситуациям в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. «Исполнение приказа или распоряжения» имеет место и в гражданской службе, и в военной. Отметим, что само появление данного ОИПД связано именно с особенностями и правовым регулированием порядка несения воинской службы. Именно в последнем случае рассматриваемое ОИПД приобретает особое значение, поскольку связано с вопросом привлечения к уголовной ответственности за совершение военных преступлений. Данное узкое направление и является предметом представленного научного исследования.

Становление института исполнения приказа или распоряжения, как обстоятельства, исключающего преступность деяния в уголовном праве России

Как отмечают эксперты, «исполнение приказа или распоряжения», такого, как ОИПД, является весьма молодым по сравнению с остальными. Изначальная связь исполнения приказа

и ответственности была сформирована на правиле абсолютного подчинения и исполнения, ни о каких исключительных обстоятельствах не было и речи. В толковании артикула 29 военно-уголовного кодекса, утвержденного Петром I 26 апреля 1715 года, закреплено положение, согласно которому «начальнику подлежит повелевать, а подчиненному послушно быть»¹. То есть было сформировано правило обязательности исполнения приказа и ответственности подчиненного в случае его неисполнения. Такое незыблемое правило действовало длительное время, и даже в период существенного изменения национального законодательства в начале XX века рассматриваемые нормы оставались неизменными.

В советском уголовном законодательстве отсутствовали нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния в целом. Однако судебная практика конца 1950-х годов отмечает «другие обстоятельства», помимо необходимой обороны и крайней необходимости, в контексте возможности их отнесения к числу ОИПД. К таковым относили исполнение приказа, как правило, в силу отсутствия вины [1, с. 26]. Закрепление в качестве преступления против военной службы «неисполнение приказа» присутствует и в УК РСФСР 1926 года, и в УК РСФСР 1960 года. В обоих случаях в рамках одной статьи закона «неисполнение приказа» указано как: общий со-

¹ Законодательство периода становления абсолютизма // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 356–357.

став (пункт «а» статьи 193.2 УК РСФСР 1926 года, пункт «а» статьи 239 УК РСФСР 1960 года); в случае наличия смягчающих обстоятельств – дисциплинарный проступок (пункт «б» статьи 193.2 УК РСФСР 1926 года, пункт «б» статьи 239 УК РСФСР 1960 года); квалифицированный состав при совершении деяния в военное время или в боевой обстановке (пункты «г», «д» 193.2 УК РСФСР 1926 года, пункт «в» статьи 239 УК РСФСР 1960 года). Таким образом, законодатель уже начинает выделять из концепции незыблемости приказа вероятность наличия смягчающих обстоятельств его нарушения.

Как свидетельствует представленный анализ, юридическое закрепление «исполнение приказа» в рамках уголовного законодательства связано с соблюдением воинского устава и воинской службы. Изначально установлено правило абсолютной ответственности и незыблемости правила исполнения приказа и лишь в советский период появляются нормы, устанавливающие возможность рассмотрения неисполнения приказа в качестве ситуации при наличии смягчающих обстоятельств. Таким образом, «исполнение приказа или распоряжения», как ОИПД, не рассматривалось в национальном законодательстве вплоть до 90-х годов XX века. А связанные с ним нормы стояли на защите военной службы.

Закрепление рассматриваемого обстоятельства, исключающего преступность деяния, в качестве такового произошло в УК РФ 1996 года наравне с другими обстоятельствами и получило понимание не только в контексте военной (правоохранительной), но и гражданской службы. Однако потребность такого юридического установления существовала еще с момента окончания Великой Отечественной войны (Второй мировой войны), поскольку в тот период времени были сформированы правовые предпосылки такого установления.

Институт исполнения приказа или распоряжения, как обстоятельства, исключающего преступность деяния в международном уголовном праве

Следует отметить, что представленный выше подход понимания «неисполнения приказа» и установления абсолютной ответственности был свойственен законодательствам большинства государств, отмечался он также в нормах международного права относительно правил вооруженных конфликтов. Однако последствия двух мировых войн потребовали от мирового сообщества его пересмотра и изменения соответствующих правил в национальном законодательстве.

До Первой мировой войны международное право склонялось к полной защите подчинения приказам вышестоящего командования [2, р. 874]. Такой концепции придерживался один из известных ученых того времени Л. Опенгейм, который отмечал в своих исследованиях: «военными преступлениями являются только такие нарушения законов и обычаев войны, которые совершены без приказа» [3, р. 253]. Соответственно, любые действия во исполнение приказа допустимы и не влекут наступления ответственности, а факт незаконности приказа командования вообще не рассматривается. Исследователи отмечают, что «согласно такому подходу, любые действия в рамках приказа не могут носить преступный характер, несмотря на форму выражения и последствия» [4, с. 40]. Во времена Второй мировой войны в Германии преобладала доктрина «Befehl ist Befehl» (приказ есть приказ), хотя ни один национальный документ официально ее не устанавливал. Однако, основываясь на сформированной за многие годы позиции военного командования государства, она активно использовалась.

Последствия применения такого подхода в рамках Первой и Второй мировых войн общеизвестны. Согласно материалам Нюрнбергского трибунала 1945 года «В деле Мейера, где обвиняемым был немецкий офицер, приказавший находившимся в его подчинении военнослужащим не оставлять никого в живых из сдавшихся в плен» [5, с. 738]. И таких случаев было достаточно.

Таким образом, на наш взгляд, процесс формирования обстоятельства «исполнение приказа или распоряжения» как исключающего преступность деяния берет свое начало из юридического понимания возможности незаконности приказа и необходимости установления ответственности за последствия исполнения такого приказа. Конкретные нормативные решения и закрепление нового подхода произошли только в 1945 году.

В отечественной доктрине уголовного права подчеркивается, что корни исполнения приказа как обстоятельства, исключающего преступность деяния, по национальному законодательству «кроются» в положениях международного права – «нюрнбергского наследия» [6, с. 138]. Начало было положено в процессе деятельности Международного военного трибунала (далее – Нюрнбергский трибунал) 1945 года. Основанием большого количества выявленных преступлений, совершенных в рамках Второй мировой войны, были отданные приказы высокопоставленных чиновников фашистской Германии. Статья 8 Устава Трибунала закрепляет: «Тот факт, что

подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия»². Таким образом, изначально было установлено правило, фактически аннулирующее ранее существовавшую концепцию о допустимости совершения преступлений во исполнение приказа в период вооруженного конфликта, которую продвигал Л. Опенгейм. Однако закрепились и возможность учета положения исполнителя приказа в конкретной ситуации.

Анализ процессуальных документов Нюрнбергского трибунала свидетельствует, что подсудимые и их адвокаты неоднократно пытались обосновать преступные действия именно исполнением обязательного для них приказа. Однако Трибунал сформировал правило, согласно которому в случае явной незаконности отданного приказа, выражающейся в требовании совершения преступлений, лицо подлежит ответственности за совершенные деяния, как и отдавший такой приказ. Таким образом была сформирована новая концепция, получившая название «концепция умных штыков». Само правило было включено в перечень Нюрнбергских принципов – принципов международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в решении Трибунала³. Посредством установления и общемирового признания данных принципов было сформировано не только новое понимание концепции обязательности приказа, но и возможности закрепления нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, в рамках национального уголовного законодательства, возможности объективной защиты исполнителя приказа и «командной ответственности».

Следует отметить, что складывавшаяся в последующие годы судебная практика национальных судов по привлечению к уголовной ответственности за совершение военных преступлений в период Второй мировой войны весьма неоднозначна и обладает субъективной оценкой конкретных обстоятельств совершения престу-

пления. Например, в рамках одного уголовного дела об убийстве суд Германии установил, что «подчиненный в замке Дувр не виновен из-за веры в законность репрессий»; в другом приговоре германского суда отмечается, что «подсудимый виновен, потому что приказ, который он исполнил, был общеизвестен всем как абсолютно противозаконный» [2, с. 874]. На наш взгляд, такая практика связана не только с возможной политической позицией участвовавших в процессах лиц (учитывая территорию осуществления судебного преследования), но и с отсутствием конкретных, юридически закрепленных условий применения исполнения приказа или распоряжения как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Такая юридическая работа в рамках международного уголовного права осуществлялась в последующие годы посредством развития института ответственности за дачу преступного приказа. Последнее получило отражение в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 года и Протоколах к ним. Сам факт отдачи приказа в целях достижения целей вооруженного конфликта, следствием которого является массовая гибель, признан запрещенным методом ведения войны. К таковым следует отнести отдачу приказа «не оставлять никого в живых»⁴. А в других нормах этого документа получили детализацию полномочия как государств, так и непосредственно командиров относительно их ответственности за незаконные приказы и факты допущения совершения нарушений положений Конвенций их подчиненными.

Таким образом, постепенно создавался механизм ответственности командиров, отдающих незаконные приказы, что способствовало формированию правовой возможности установить новое обстоятельство, исключающее преступность деяния, и конкретизировать его критерии допустимости. Наличие таких норм в том числе постепенно способствовало пониманию подчиненного о праве выбора не исполнять приказ в случае его явного преступного характера, а также о существовании правовых границ своих действий во исполнение приказа, когда последний является законным.

Как отмечает А.Г. Кибальник, «одной из самых примечательных тенденций в развитии современного международного уголовного права

² Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси 1945 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 04.04.2026).

³ Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала 1950 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения: 04.04.2026).

⁴ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf.

стала эволюция института обстоятельств, освобождающих от ответственности (исключающих уголовную ответственность)» [7, с. 124]. Продолжение вышеобозначенного правового процесса было реализовано в Статуте Международного уголовного суда (далее — Статут МУС). Статья 33 данного документа устанавливает: «Тот факт, что преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, было совершено лицом по приказу правительства или начальника, будь то военного или гражданского, не освобождает это лицо от уголовной ответственности, за исключением случаев, когда: а) это лицо было юридически обязано исполнять приказы данного правительства или данного начальника; б) это лицо не знало, что приказ был незаконным; и с) приказ не был явно незаконным»⁵.

В указанной норме Статута МУС установлено как само ОИПД, так и критерии его допустимости. Следует отметить особенности содержания части второй данной статьи, где указано важное правило: «приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности являются явно незаконными». Таким образом, в положении подчеркивается и признается сложность и разнонаправленность военных преступлений по своей сути. Правоприменителю в такой ситуации необходимо проанализировать не только само преступление и его признаки, но и ситуацию при его совершении во исполнение приказа, установить его незаконность, явно выраженный характер последней, а также обязанность лица исполнить такой приказ.

Анализ положений Статута МУС позволяет сделать вывод, что закрепление рассматриваемого ОИПД непосредственно связано с установлением ответственности за незаконный приказ, следствием исполнения которого стало совершение военных преступлений (и международных преступлений в целом). Согласно пункту “b” части 3 статьи 25 «подлежит уголовной ответственности..., если это лицо... приказывает совершить преступление...»⁶. То есть лицо использует свою власть для того, чтобы принудить другое лицо совершить преступление. Сами военные преступления, закрепленные в Статуте МУС, в большинстве своем могут быть совершены в рамках

приказа или распоряжения, однако в отдельных случаях именно дача преступных властных распоряжений установлена в качестве самостоятельного состава военного преступления. Подпунктом “viii” пункта “e” части 2 статьи 8 документа определена в качестве военного преступления «отдача распоряжений о перемещении гражданского населения по причинам, связанным с конфликтом, если только этого не требуют соображения безопасности соответствующего гражданского населения или настоятельная необходимость военного характера»⁷.

Таким образом, представленная характеристика подтверждает развитие института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в рамках международного уголовного права в целом, а также свидетельствует о наличии специфики их применения в случае совершения военных преступлений. Особое значение в данном случае имеет такое обстоятельство, как причинение вреда (совершение преступления) при исполнении приказа или распоряжения. Подчеркнем, что, несмотря на неучастие России в Статуте Международного уголовного суда, мы можем анализировать его положения в качестве источника правового становления регулирования конкретного института уголовной ответственности и проводить сравнительный анализ с положениями национального законодательства.

Современные теоретические подходы к проблематике установления уголовной ответственности за исполнения приказа или распоряжения в уголовном праве России

Несмотря на давность принятия Нюрнбергских принципов, рассматриваемое ОИПД в отечественном уголовном законодательстве появилось лишь спустя почти 50 лет. Но связь этих двух нормативных регуляторов в рассматриваемом контексте явно прослеживается. Учитывая его содержание, можно выявить конкретные правила, получившие закрепление в УК РФ:

- ответственность за причинение вреда в результате исполнения незаконного приказа;
- ответственность лица, отдавшего незаконный приказ;
- исключение уголовной ответственности за неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения⁸.

⁵ Римский Статут Международного Уголовного Суда 1998 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения: 20.04.2026). (Российская Федерация не является участником данного международного договора.)

⁶ Римский Статут Международного Уголовного Суда 1998 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения: 20.04.2026).

⁷ Римский Статут Международного Уголовного Суда 1998 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения: 20.04.2026).

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Для объективного применения указанных правил недостаточно установления критериев допустимости. Определение критериев незаконности приказа или распоряжения требует от правоприменителя изучения отраслевого законодательства. Данному вопросу, как и другим проблемным аспектам критериев незаконности приказа, посвящено большое количество научных публикаций [8; 9].

Особое внимание в исследованиях уделяется вопросу обязательности исполнения приказа. Е.А. Глухов отмечает, что приказ должен быть выполнен в обязательном порядке, соответственно, исходя из правовой природы военного приказа, его неисполнение невозможно [10, с. 47]. Такая, на наш взгляд, некорректная оценка сути приказа лишь способствует деформации восприятия военнослужащих в вопросе выполнения профессиональных обязанностей. Ошибка в данном случае заключается в том, что обязательным к исполнению является только законный приказ. Такая правовая оценка связана с отсутствием норм об ответственности за дачу незаконного приказа.

С учетом данного аспекта, говоря о военных преступлениях, особое значение имеет правило ответственности лица, отдавшего приказ. В данном случае уголовный закон, кроме вышеуказанного общего правила, закрепленного в статье 42 УК РФ, специальных норм не устанавливает. На наш взгляд, здесь присутствует определенная неравномерность по сравнению с иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния. В случае нарушения пределов необходимой обороны или причинения вреда в результате задержания лица, совершившего преступление, в УК РФ закреплены соответствующие привилегированные составы преступлений – статьи 108, 114. В случае же причинения вреда в результате исполнения незаконного приказа отсутствуют нормы, устанавливающие ответственность лица, отдавшего незаконный приказ или распоряжение в гражданской службе (глава 30 УК РФ) и в военной службе (глава 33 УК РФ). Следует согласиться с позицией отдельных авторов о необходимости существенных изменений уголовно-правовых норм в рассматриваемом контексте [11].

Поскольку целью нашего исследования выступает анализ становления и проблематика применения одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния, именно к военным преступлениям, необходимо обратиться к еще одному документу национального законодательства, положения которого позволяют дать определенную

правовую оценку при установлении наличия или отсутствия критериев для применения рассматриваемого ОИПД. Таковым выступает Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил РФ⁹.

Подчеркнем, в этом ведомственном акте конкретизированы действия командира во исполнение своих обязанностей в случае участия Вооруженных Сил РФ в вооруженном конфликте. В Наставлении перечисляются конкретные способы (методы) ведения боевых действий, применение которых запрещено и признается военными преступлениями (например, отдача приказа никого не оставлять в живых, угрожать этим или вести боевые действия на этой основе; взятие заложников; вероломство и др.). Соответственно, отдача приказа об использовании таких способов носит преступный характер, а исполнение такого приказа не позволяет применять рассматриваемое ОИПД для освобождения от уголовной ответственности.

Представленный выше анализ международных норм в исследуемой сфере подтверждает необходимость параллельного правового закрепления, как самого обстоятельства, исключающего преступность деяния, так и мер ответственности за совершение связанных с ним деяний. Несмотря на внесение изменений и дополнений в главу 33 уголовного закона, вопрос ответственности за дачу незаконного приказа остается неурегулированным. Установление же самостоятельного состава преступления против военной службы с учетом различных квалифицированных и особо квалифицированных признаков (повлекшее причинение смерти или причинение вреда здоровью различной степени тяжести, совершение в военной обстановке или обстановке боевых действий и т.д.) позволило бы исключить вероятность невозможности существования незаконного приказа и безнаказанности отдачи незаконного приказа.

Следует отметить, что в УК РСФСР 1960 года в главе о воинских преступлениях был закреплен более широкий перечень таких составов преступлений, среди которых предусматривалась уголовная ответственность за совершение злоупотребления властью, превышения или бездействия власти (статья 260 УК РСФСР). По мнению исследователей, под такими преступными действиями, в том числе можно рассматривать отдачу незаконного приказа, следствием исполнения

⁹ Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации : утв. Министром обороны РФ 8 авг. 2001 г. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/47039> (дата обращения: 14.04.2026).

которого стало наступление тяжких последствий (пункт «б» статьи 260 УК РФ) [12, с. 107]. Однако, на наш взгляд, каждое из таких преступных деяний современный уголовный закон должен рассматривать в качестве самостоятельного и обладающего особенностями.

Аналогичная потребность в правовом регулировании ответственности за отдачу незаконного распоряжения, повлекшего совершение преступления, существует в сфере гражданской службы, что требует внесения изменений в главу 30 УК РФ. Такая взаимозависимая нормотворческая работа необходима, поскольку военные преступления могут совершаться как военнослужащим (комбатантом в международном уголовном праве), так и гражданским лицом. Соответственно, приказы и распоряжения, при исполнении которых совершаются военные преступления, могут быть отданы как военным командованием, так и руководством гражданской службы. Внесение изменений, например, лишь в главу 33 УК РФ, не решит существующей проблемы. Подчеркнем, что именно установление уголовной ответственности за отдачу незаконного приказа или распоряжения, следствием которых стало совершение военных преступлений, выступает необходимым критерием возможности применения в соответствующих случаях обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что такое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как исполнение приказа или распоряжения, прошло долгий путь своего закрепления от абсолютной ответственности

исполнителя, до установления исключающих преступность критериев применения. В отличие от иных ОИПД рассматриваемое обстоятельство берет свое начало из международных норм, также прошедших путь трансформации. А сама суть исполнения приказа или распоряжения как ОИПД связана изначально именно с военной службой, и лишь в современных отношениях рассматриваемое обстоятельство стало применяться относительно гражданской сферы. Применение данного ОИПД к военным преступлениям имеет особое значение, поскольку связано с совершением массовых тягчайших преступлений в рамках отданных незаконных приказов, критерии которых необходимо выявить и установить, а также установить уголовную ответственность за отдачу незаконного приказа или распоряжения, повлекших совершение преступлений, в соответствующих главах современного уголовного закона.

Следует подчеркнуть, что имплементация любых международных норм в национальное законодательство требует от государства учета специфики их практического применения именно в целях защиты конкретных общественных отношений, а значит, необходима их соответствующая детализация и конкретизация. Учитывая участие России в специальной военной операции и активную работу Следственного комитета РФ по выявлению и расследованию преступлений против мира и безопасности человечества, предлагаемые изменения национального законодательства позволят усилить роль военного и гражданского руководства, а также сформируют понимание неотвратимости уголовной ответственности за отдачу преступного приказа или распоряжения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пархоменко С.В. Понятие и виды деяний, преступность которых исключается (исторический аспект, современное состояние проблемы) : учеб. пособие / С.В. Пархоменко. – Иркутск : Иркутский юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2011. – 107 с. – EDN YJEPYX.
2. Liarg J. Defending the Emergence of the Superior Order Defense in the Contemporary Context / J. Liarg // Goettingen Journal of International Law. – 2010. – Vol. 2, no. 3, – P. 871–892.
3. Oppenheim L. International Law / L. Oppenheim. – London, 1960. – 850 p.
4. Лисаускайте В.В. Военные преступления в уголовном законодательстве Российской Федерации: субъективные признаки и вопросы квалификации / В.В. Лисаускайте. – Иркутск : Изд-во Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2025. – 112 с. – EDN MLFRSX.
5. Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов / Эрик Давид. – Москва : Международный Комитет Красного Креста, 2011. – Т. 6. – 958 с.
6. Котов С.В. Исполнение приказа при совершении военных преступлений: об использовании международного опыта в российском уголовном праве / С.В. Котов, Н.С. Троицкий. – DOI 10.37494/2409-1030-2019-3-97-137-143. – EDN PFRBZR // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 3. – С. 137–143.
7. Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключающие ответственность, в современном международном уголовном праве / А.Г. Кибальник. – EDN ROPIHN // Всероссийский криминологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 124–128.

8. Есаков Г.А. Ответственность командиров в российском уголовном праве с точки зрения De Lege Lata / Г.А. Есаков. – DOI 10.17803/1729-5920.2017.132.11.093-099. – EDN ZUDYVB // Lex Russica. – 2017. – № 11 (132). – С. 93–99.
9. Левандовская М.Г. Доктрина государственного акта и уголовная ответственность за военные преступления / М.Г. Левандовская. – EDN WDGHHT // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 5. – С. 37–40.
10. Глухов Е.А. Правовая оценка и исполнение военным служащим приказа, следствием которого является причинение вреда охраняемым законом интересам / Е.А. Глухов. – EDN IYJIUI // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 4 (297). – С. 46–52.
11. Лисаускайте В.В. «Командная ответственность» и военные преступления: вопросы юридической оценки / В.В. Лисаускайте. – EDN YDJEWW // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 1 (112). – С. 222–229.
12. Командиру о военно-уголовном законодательстве / под общ. ред. А.Г. Горного. – 2-е изд., доп. и дораб. – Москва : Воениздат, 1985. – 206 с.

REFERENCES

1. Parkhomenko S.V. Definition and Kinds of Acts the Criminality of which is Excluded (Historical Aspect, Modern State of the Issue)]. Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Publ., 2011. 107 p. EDN: YJEPYX.
2. Liarg J. Defending the Emergence of the Superior Order Defense in the Contemporary Context / J. Liarg // Goettingen Journal of International Law. – 2010. – Vol. 2, no. 3, – P. 871–892.
3. Oppenheim L. *International Law*. London, 1960. 850 p.
4. Lissauskaite V.V. *War crimes in the criminal legislation of the Russian Federation: subjective signs and qualification issues*. Irkutsk, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2025. 112 p. EDN: MLFRSX.
5. Eric David. *Principles of the law of armed conflict*. Moscow, International Committee of the Red Cross Publ., 2011. Vol. 6. 958 p.
6. Kotov S.V., Troitsky N.S. Execution of an Order in the Commission of War Crimes: on the Use of International Experience in Russian Criminal Law. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanitarian and Legal Research*, 2019, no. 3, pp. 137–143. (In Russian). EDN: PFRBZR. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-97-137-143.
7. Kibal'nik A.G. Defenses to Criminal Liability in Modern International Criminal Law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2013, no. 4, pp. 124–128. (In Russian). EDN: ROPIHN.
8. Esakov G.A. Responsibility of Commanders under Russian Criminal Law in the Context of De Lege Lata. *Lex Russica*, 2017, no. 11, pp. 93–99. (In Russian). EDN: ZUDYVB. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.132.11.093-099.
9. Levandovskaya M.G. The Act of State Doctrine and the Criminal Responsibility for War Crimes. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2016, no. 5, pp. 37–40. (In Russian). EDN: WDGHHT.
10. Glukhov E.A. Legal assessment and execution by a serviceman of an order resulting in harm to legally protected interests. *Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voенно-pravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2022, no. 4, pp. 46–52. (In Russian). EDN: IYJIUI.
11. Lissauskaite V.V. «Command Responsibility» and Military Crimes: Legal Assessment Issues. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2025, no. 1, pp. 222–229. (In Russian). EDN: YDJEWW.
12. Gornyi A.G. *To the Commander about military criminal law*. Moscow, Voениzdat Publ., 1985. 206 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Валерьевна Пархоменко – доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. SPIN-код: 2323-3678.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Parkhomenko – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1 Shevtsova Str., Irkutsk, 64035, Russia. SPIN-code: 2323-3678.

Поступила в редакцию / Received 22.03.2026

Доработана после рецензирования / Revised 06.05.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026